

Иди против ветра – и пусть тебе плюют в спину!

Хань Сян-цзы, китайский философ

Я всегда с уважением отношусь к людям, достигшим больших профессиональных и жизненных высот, благодаря своему таланту и целеустремленности, а не протекции и кумовству. Про таких говорят: сделали себя сами. Достигнув намеченного, они устремляются к очередной цели, прямо как в песне Владимира Высоцкого: «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал». Мой отец, писатель Анатолий Борисович Баюканский, не исключение – такой же беспокойный человек, находящийся в непрерывном творческом поиске.

Когда Толе было два года, его родители разошлись; отец – Борис Зиновьевич – уехал в Москву, оставив сына с матерью и бабушкой в Ленинграде. Главными авторитетами и воспитателями для подростка являлись улица и ватага бесшабашных друзей. Его мама, Елизавета Кирилловна, была рабочей на заводе «Светлана». Хотя она и трудилась не покладая рук, всё равно не могла позволить ничего лишнего ни себе, ни сыну. Когда Анатолию исполнилось шестнадцать лет, начались испытания на выживание: ленинградская блокада: потеря матери, всех родственников и жилья, изнурительная работа на военном заводе.

Он мог не единожды погибнуть как в военное, так и в гражданское время, но в последний момент происходило Нечто, позволяющее ему остаться в живых и продолжить свой путь для намеченной судьбой цели.

В подтверждение приведу несколько случаев, произошедших с моим отцом во время ленинградской блокады. С сентября 1941 года немцы начали непрерывно бомбить и подвергать массированному артобстрелу город, и через пару недель после этого Толя получил первую «весточку» от немцев, которая могла стать

для него последней. Во время очередного обстрела осколок от разорвавшегося немецкого снаряда пролетел в нескольких сантиметрах от лица, немного опалив ухо.

22 сентября после рабочей смены Анатолий пришёл к своей бабушке Пелагее Федоровне Коровиной и лёг отдыхать. Не прошло и часа, как раздался сигнал воздушной тревоги, и вскоре началась бомбёжка Московского вокзала, который находился от бабушкиного дома совсем близко.

Домашние, как всегда, побежали на первый этаж, где было полуподвальное помещение – «бомбоубежище». Отец был настолько уставшим и хотел спать, что не пошёл вместе со всеми, а остался в квартире. Решил: «Нет времени ходить туда-сюда. Буду спать». Страх погибнуть у него не было. Так было уже не раз: когда все прятались в подвале, он оставался в квартире и отдыхал. Однако уснуть ему не удалось. Через несколько минут после того, как родственники спустились в «бомбоубежище», раздались взрывы. Было слышно, как бомбы падают всёближе и ближе. Неожиданно отец вспомнил о родственниках и подумал: «Если бомба сейчас попадёт в дом, их наверняка завалит». В его сознании возник «приказ»: «Беги вниз». Отец быстро выскочил в узенький коридорчик и успел лишь упереться руками в стены, как всё зашаталось: здание стало раскачиваться из стороны в сторону. Бомба угодила в соседнюю секцию дома, который представлял собой прямоугольник, состоявший из четырёх частей. Двери и окна в секции, где находился отец, выбило ударной волной. Всё было усеяно штукатуркой. Спустившись до второго этажа, он остановился: сквозь клубы дыма и пыли заметил языки пламени и огненный ручей от зажигательных бомб. Лестницы и перила были уничтожены взрывом. Он спрыгнул вниз. Подбежав к полуподвальному помещению, где находились родственники и соседи, попытался отодвинуть заваленную кирпичами и балками дверь, но не смог, – не было сил это сделать. Рядом оказались пожарные и милиция. Отец позвал их на помощь. Общими усилиями удалось разломать дверь и проникнуть внутрь. Люди забились в какой-то закуток, спасаясь от жара,

дыма и пыли. Их успели оттуда вывести, а через полчаса остатки дома, где до этого прятались соседи и родственники, рухнули. Так мой отец спасся сам и помог выволочить из беды свою тётю Олю и годовалую двоюродную сестру Тамару.

Через три месяца после этого случая учащихся ленинградских ремесленных училищ, одним из которых был мой отец, попытались вывезти из города. Многотысячную колонну ребят пешком отправили по льду Ладожского озера на Большую землю. Когда отец с другом вконец обессилели, их посадили в кузов полуторки. В это время колонна попала под интенсивный обстрел. Снаряды падали сзади и спереди, слева и справа. Услышав резкий свист летящего снаряда, друг сильно толкнул моего отца и вместе с ним выпрыгнул из машины. Через несколько мгновений в полуторку угодила снаряд. Отца сильно контузило, и он потерял сознание. На рассвете возницы санного обоза, который по Дороге жизни вёз блокадникам продукты, оттаскивали с пути мертвецов, подмечали раненых и укладывали их на сани. Заметив стонущего отца, повезли его в Ленинград. Когда его доставили в госпиталь, он опять потерял сознание. Вышедший на осмотр врач, посмотрев на лежащего паренька, вынес медицинский вердикт: «Этого – в нулёвку» (что означало – в морг). Отца отнесли в помещение, которое регулярно пополнялось. Там он и лежал среди трупов. Утром в «нулёвку» вошли два санитары и, прежде чем приступить к работе, закурили. Один из них, заметив, что отец приоткрыл глаза, позвал товарища: «Эй, тут один, кажись, живой!».

В госпитале отец пролежал полгода. Пришлось заново учиться держать голову, сидеть, стоять и ходить. Когда в блокадный Ленинград пришла весна, начало пригревать солнышко, он решил «выползти» из палаты на улицу подышать свежим воздухом. С трудом спустился на первый этаж, остановился возле центрального входа, подставив лицо солнечным лучам. И вдруг совершенно отчётливо услышал голос умершей от голода бабушки: «Уйди за угол! Уйди за угол!». Отец повиновался и, пройдя пару десятков метров, свернул за угол здания. Тут раздался страшный грохот. Тяжёлый немецкий снаряд угодила точно в то место, где он слышал «предупреждение бабушки». Подойдя ближе, с ужасом увидел огромную воронку. Стонали раненые, резко пахло гарью и дымом. Товарища, что минуту назад стоял рядом с отцом, разорвало на части.

После заболевания дистрофией и контузии семнадцатилетнего парня эвакуировали на Урал. Служба в армии – бои за освобож-

дение Белоруссии и Прибалтики, переброска на Дальний Восток на войну с Японией. После окончания Великой Отечественной войны отец служил в Хабаровском крае в бухте Де-Кастри, а потом на острове Сахалин. В 1949 году демобилизовался из армии – ему было тогда двадцать четыре года. Молодой фронтовик смело шагнул в неведомую для него послевоенную жизнь. Хотя ни знакомых, ни родных, ни дома у него не было, он мечтал достичь многого. В его арсенале имелся лишь небольшой деревянный чемоданчик с солдатскими вещами, тридцать шесть рублей двадцать три копейки, выданные на проезд до ближайшего сахалинского города, и огромная уверенность в собственных силах.

Будучи начинающим журналистом военной газеты, свою первую статью он написал о забытых во время Великой Отечественной войны солдатах. За десять лет пребывания в тайге те одичали, вместо военной формы одевались в звериные шкуры, но продолжали нести службу на вверенном им посту – «огневой точке». Информацию о «таёжных робинзонах» тут же засекретили – номер газеты до читателей так и не дошёл. Весь тираж был изъят СМЕРШем, редактора газеты приговорили к нескольким годам заключения, а сержанту Анатолию Баюканскому дали пятнадцать суток ареста. Несмотря на это, мой отец журналистику не оставил, считая эту профессию самой лучшей на свете.

Когда началась война Борис Зиновьевич всё время пытался разыскать своего сына Толю, чтобы как-то ему помочь. Позже они узнали, что в 1943 году они оказались совсем близко, но встретиться не удалось – разминулись. В 1944 году Борис Зиновьевич получил на сына похоронку, а через год известие, что тот пропал без вести.

Анатолий Борисович так до сих пор и числится в военном ведомстве без вести пропавшим, что не мешает ему жить и активно творчески трудиться.